

**АЛИНА
ЛЕЩИНЕР**

**КАК
ОСТАТЬСЯ НА
СВЕТЕ**

Алина Игоревна Лещинер

Как остаться на свете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57432937

Издательство «Эксмо»;

Аннотация

Филипп и Зоя, молодая семейная пара, оказываются запертыми в Бостоне после закрытия границ из-за пандемии вируса. Она беременна. В моде редактирование генома детей. Но будут ли эти идеальные дети, – умные, талантливые, послушные, разумные, усидчивые и уравновешенные, – такими же, как обычные? Будут ли «обычные» конкурентоспособны рядом с «отредактированными»? Кто из них будет счастливее?

Глава 1

Ив увидел ее в очереди на регистрацию издалека. Оливковый берет и медовый свитер подсвечивали ее в серо-черной толпе. Ив подошел к ней, пока она убирала документы в сумку.

– Ты? Здесь? – Зо звонко застегнула молнию и закинула сумку за спину.

– Я не мог не проводить тебя.

– Я уезжаю к мужу, – Зо решительно дернула чемоданчик за ручку и под мерный шорох колесиков направилась к выходам на посадку.

– Ну и что? – он нагнал ее. – Нельзя уезжать навсегда и не иметь провожающих.

– Не знала, что существуют строгие правила отъезда.

– Не обижай меня. Я единственный приехал сказать тебе...

– Прощай? – она остановилась и посмотрела на него.

– До свидания.

– Ив...

– Ты сомневаешься, что мы еще увидимся?

Она отвернулась и покачала головой.

– Зо, – он тронул ее за плечо. – Я еще дотянусь до тебя.

Она отступила на шаг, посмотрела на него со странной тоской, и Ив так и не понял, что это значило. А потом она

улетела.

***

Филипп только учился держать удар. Он представлял себя большим небесным телом, по поверхности которого бьют астероиды, метеориты и всякий космический мусор. Слова людей – то же самое.

Ему нравилось думать отвлеченно: осязаемые метафоры успокаивали. Когда ты переводишь свои проблемы в масштаб вселенной, они становятся настолько мелкими, что просто смешно.

Мечты же у него были неосязаемые. Хотя он вообще мало мечтал. Жизнь текла своим чередом, события сменяли друг друга, и он почти всегда был просто зрителем. Его большая семья крутила колесо Сансары без его помощи, и он едва успевал быть в курсе и делать, что должно. Он сумел построить свой крохотный, на четверть автономный мирок, со своей съемной комнатой, непыльной работой в лаборатории в тени большого профессора и любимыми яйцами Бенедикт в дайнере на углу. И, в общем-то, на этом все.

А потом он встретил Зо, и впервые захотел чего-то неотвратимо сильно: жениться. Они сыграли свадьбу на 12 встрече. Ему говорили: вы плохо знаете друг друга, надо пожить, посмотреть.

– Я не пиджак для примерки, – тихо сказала Зо, подняв на него свои светящиеся, цвета гречишного меда, глаза. – Либо

ты хочешь быть со мной, либо нет.

А он хотел.

Они долго ждали, пока бюрократический ад будет пройден, и она сможет приехать к нему, чтобы присоединиться к эмигрантской жизни.

И час Ч настал: сегодня в пять.

***

Зо лениво толкала ногой сумку вперед себя, пока очередь медленно ползла толстой мохнатой гусеницей по залу. Это был ее не первый въезд в Штаты. Она переходила границу много раз, но впервые – навсегда.

Зо прислушивалась к себе, пытаясь понять, захочет ли она вернуться обратно когда-нибудь. Там остались родители, друзья, знакомые люди, которых она хорошо понимала, лица, которые читались легко и безошибочно. Зо тряхнула головой: стопэ, еще не время присоединяться к местному эмигрантскому мейнстриму.

Она волновалась. Ей предстояло построить семью в чужой стране, с человеком, которого она сейчас увидит в четырнадцатый раз в жизни.

Раньше цепочка целей была ясна: карьера, хороший социальный статус, деньги, семья, дети, хороший дом, отпуск на юге. Но после свадьбы что-то щелкнуло, цепочка разомкнулась, а звенья в ней перетасовались: теперь список начинался с дома и детей. Зо не могла к этому привыкнуть. У нее

всегда было серьезное занятие: долгая учеба, потом работа, ночные смены, доклады в аудиториях. Сейчас же ситуация заставляла полностью положиться на Филиппа. Она смогла договориться с собой, но было беспокойно.

Филипп привез ее в родительский домик в пригороде Бостона недалеко от океана. Вокруг росли старые сосны, и небо было прозрачно-синим. Дома стояли так плотно друг к другу, что шторы везде были плотно задернуты.

«Коробочки с мирами внутри», – подумала Зо.

Филипп, который всю дорогу возбужденно говорил о чем-то, замолчал, достал ключ из-под половицы крыльца и открыл перед ней дверь.

Он любил этот дом. Как и все остальное имущество семьи, он воспринимал его, как нечто совершенно свое, по определению. Он провел здесь много времени, но никогда не думал, что приведет свою жену сюда: скорее в их московскую квартиру, но сбылось вот это.

Зо огляделась. Домик был построен в 60-х, 4 спальни, новомодный в те годы деревянный сайдинг, камин. Окна завешены мятными шторами, но везде пыль и какая-то необитаемость.

«Надо обязательно помыть окна», – подумала Зо.

– Надо обязательно разжечь камин, – сказал Филипп, – пойдем, купим еды и немного отдохнем с дороги.

Зо смотрела на него: полноват и неловок, на первый взгляд они были странной парой. Но стоило посмотреть на

его лицо, как все становилось ясно: порода в каждой черте, какая-то вековая мудрость в больших миндалевидных глазах и горячий взгляд – притягивали ужасно. Когда он начинал говорить, его необычный ум и чувство юмора, приправленные хорошим воспитанием и смущением молодости, не до конца понимающей свое место в мире, окончательно покорили. В нем было не пророченное зерно животной харизмы, и Зо почти физически чувствовала его гладкую и теплую поверхность. Именно это она и определила своей ролью в его жизни: прорастить зерно.

***

Утром ее кофе стоял на столе. Она замерла на пороге, уловив глубокий, умиротворяющий запах, и прислонилась к косяку двери. Синяя чашка стояла в центре стола, и легкая кофейная дымка клубилась в прохладном воздухе, рисуя бесконечный патронус.

За окном было серо. Она не видела – скорее чувствовала по оттенку света на кухне. Зо села за стол. Запах кофе опутал ее с головы до ног, заведя целый вихрь воспоминаний, как заводную игрушку: утро, дом, старая кофеварка, мама готовит сырники, за окном снег и снег.

Чашка была горячая и сухая. Зо представляла таким песок в пустыне. Сначала погрела руки о чашку, потом губы. Кофе обжог. Зо чуть подула на поверхность, наблюдая, как узор пара колыхнулся в воздухе, и снова сделала глоток.

Запах был лучше.

На улице слышались шаги, и дверь открылась: на пороге был Филипп, тяжело дышащий, раскрасневшийся на утреннем холоде, с вязанкой купленных дров. Увидев ее, он широко улыбнулся:

– Как тебе кофе? Вкусный?

– Пахнет божественно, – не соврала она, поджав под себя ногу и чуть прищурив глаза по-кошачьи.

– Хорошо, – он смутился от ее взгляда, отвернулся, свалил дрова в угол нарочито неловко. – Так... Ты грустная?

Она замотала головой отрицательно.

– Все хорошо. Просто немного заскучала по дому.

– Эй, ну ты чего, – он подошел к ней и аккуратно погладил по спине. – Тебе плохо со мной?

– Нет-нет, хорошо, правда! – Зо погладила его по холодной колючей щеке. – Просто мы дома так же пили кофе по утрам, вот я и вспомнила.

– Не грусти, слышишь, а то я тоже буду грустить.

– Не буду. Пошли гулять, – Зо вскочила со стула с внезапной энергией. – Минуту, я только оденусь!

Он присел на ее стул прямо в куртке и допил кофе одним глотком.

***

– Мне нравится этот дом, – они гуляли вдоль океана и прибой выносил на берег мохнатые темно-зеленые водорос-

ли и ракушки. Из-за тумана горизонт было невозможно разглядеть: вода переходила в небо, а небо в воду.

– Этот? Да. Мне тоже нравится на сваях. Хотя лестница...

– он скривился.

– Что – лестница?

– Не люблю лестницы.

– Тебе просто надо похудеть, – рассмеялась Зо, погладив его животик.

– Нет, дело не в этом, мне не нравится сама концепция лестницы: надо перешагивать по плоскостям.

– А мне нравится: жизнь устроена так же.

– Жизнь вообще не об этом.

– А о чем?

– Надо просто быть счастливым.

– Да, но при этом надо двигаться куда-то к своим мечтам, пошагово, по ступенькам вверх.

– Ерунда. Ты в любом случае двигаешься.

– Просто у тебя другой опыт. Тебе, в общем-то, все всегда само шло в руки. Квартира в центре Москвы, гражданство США, лучшая школа города, МГУ – и все по праву рождения, без каких-либо усилий лично с твоей стороны.

– А что в этом плохого?

– Ничего. Это просто ответ на вопрос, почему тебе не нравятся лестницы. Нам с тобой друг друга никогда не понять.

– Не понять? – он схватил ее, притянул к себе и стал покрывать поцелуями, щекотать, – мне никогда не понять мою

маленькую Зо?

Она засмеялась, обняла его, извиваясь в тщетных попытках избежать его щекотки.

– Не понять, не понять! – сквозь смех, выкрикивала она – Я тебя ужасно люблю, ты знаешь об этом?

– Знаю, – прошептал он, поцеловав ее в кончик носа. – Но я все равно люблю тебя сильнее.

Они прошли немного молча.

– Ты ведь знаешь, что нам нужен свой дом? – мягко спросила Зо.

– Чем тебе не нравится здесь?

– Это дом твоих родителей, а не наш.

– Это и мой дом тоже. А ты моя жена, значит, он и твой.

– Нет. Никто из нас его не заработал, так что мы не имеем на него ни малейшего права. Нам нужен свой дом.

– На самом деле мне вообще нравятся квартиры: уютно, защищенно, никто не ворвется и ничего оттуда не вынесет.

Зо удивилась.

– Обожаю дома: строишь свой мир на собственной земле, никто не нарушает твои границы топотом, криками, кашлем из-за стены.

– Да ладно, я никогда не слышал соседей.

– А я слышу.

– Ерунда, – со свойственной ему авторитарностью заявил Филипп. – В домах ужасно небезопасно.

– Есть заборы.

– В Америке не ставят заборы.

– Филипп, – Зо посмотрела на него.

– Обещай, просто обещай, что мы проживем немного в квартире, совсем немного.

– Обещаю, – Зо улыбнулась, обняла его.

***

Зо запекла отличный кусок телятины, сварила булгур, сделала салат из помидоров и феты, собрала со всех кроватей и диванов пледы и одеяла и постелила перед камином прямо на полу.

Приняла ванную, втерла в тело ароматное масло – его подарок на Новый Год, подвела глаза и, сбросив халат, забралась под одеяло перед камином.

Он должен был вот-вот прийти с работы.

Она долго выбирала позу, когда, наконец, услышала шаги на крыльце.

– Зо? – ботинки с грохотом полетели на пол. – Как вкусно пахнет!

Он вошел в комнату.

– Зо...

– Да? – она обернулась на него с невинным видом.

– Что это? – он опустился рядом с ней на пол, протянул руки, но в последний момент отдернул, точно не решился коснуться.

– Это дастархан, любимый, – она произнесла это медлен-

но, проникая своим медовым взглядом ему в самую душу.

– Дастар-хан?

– Ближневосточная трапеза на коврах. Горячее в духовке.

– В духовке ли, – задохнулся он, припав к ее губам, накрыв ее собой, погрузившись в драматичный запах ее духов, в жар ее янтарно-шелковой кожи и мягкость ее поцелуев.

***

Камин отбрасывал на стену сиреневую тень решетки.

– Я беременна, – сказала вдруг Зо.

Филипп резко повернул к ней голову.

– Что?

– Я беременна.

– Правда? – он сел. Осторожно положил ей ладонь на живот. – Господи, – его лицо засветилось, – когда ты узнала?

– Сегодня, – улыбнулась Зо.

– Почему сразу не сказала?

– Я собиралась за ужином, а потом не хотела портить момент...

– Глупая, – он поцеловал ее, – как же мы будем счастливы, Зо, ты представляешь себе?

***

Она быстро нашла работу в компании, которая проводила клинические исследования препаратов и медицинского оборудования.

Ей было страшно постоянно. Все коммуникации, вплоть до покупки хлеба, были на другом языке, с людьми, реакции которых она понимала не сразу. Периодически она говорила невпопад, путала в спешке слова и просто чувствовала себя идиоткой. Если бы не Филипп и не беременность, она давно сошла бы с ума. Филипп не давал ей фрустрироваться, а ребенок постоянно напоминал, что весь мир подождет. Постепенно она привыкала: они гуляли, разговаривали часами напролет, ходили в гости, обрстая знакомыми и не очень.

Русская община в Бостоне, как и в любой другой точке мира, была немного своеобразной группой поддержки: землячество здесь было очень сильно, и в итоге его семья общалась исключительно со своими же московскими знакомыми, которые переехали в 1980-1990-х. Людей здесь спланивали не столько общие трудности, сколько ощущение национального превосходства и хейтинг местного населения, местной еды, системы здравоохранения, аптек, жилищной ренты и т.д. На первый взгляд они совершенно не скучали по Родине. Их ностальгия проявлялась лишь в том, что всем приезжающим родственникам они рассказывали, как тут тяжело и как в России легко и понятно.

Но возвращаться никто не хотел.

Любая свежая кровь была тут на вес золота: новые люди привозили новую Россию, новый язык, новые политические взгляды и новую почву для хейтинга местных порядков.

Зо казалось странным, что они все работали друг у друга,

снимали друг у друга жилье, машины, двигались по карьерной лестнице сообща, и, с кем бы ты ни заводил разговор на улице или на работе, все нити так или иначе приводили к какому-нибудь D.F. Sokolov, профессору лаборатории или начальнику департамента по разработке искусственного интеллекта. И теперь Зо была одной из них.

Они с Филиппом сняли маленькую квартиру на углу Вашингтон-стрит.

Это было близко к его лаборатории, где он днями напролет изучал способность клеток делиться вечно. Технологии редактирования генома были на самом пике популярности. Филипп занимался исправлением ошибок в ДНК в рамках программы ЭКО. Геном человека был расшифрован, более того, был полностью сопоставлен с фенотипом, т.е. физическими и психическими признаками. Теперь дело было только в совершенствовании методики вмешательства.

Люди хотели идеальных детей. Если можно было поправить кривой нос, неточную линию рта или близорукость, то почему нет?

Тогда же они познакомились с Марией. Ей было 45, и она много лет наблюдалась в клинике Филиппа. У нее было двое детей: с идеальной кожей, лазурными глазами и светлыми волосами – точно с рекламы Киндер-шоколада. Сама она не была красивой: серые, даже темно-белые глаза, и копна русых волос были самым привлекательным в ней. Она была очень светской: дежурно улыбалась на приемах, всегда выби-

рала только альпийское просеко и умела носить почти вульгарные наряды с дорогим шиком. Ее дешевая сексуальность, в которую вкладывались десятки тысяч долларов в год, была именно тем, что нравилось большинству мужчин. Она пила их вождление с наслаждением 16-летней школьницы, порхала мотыльком от цветка к цветку, не увлекаясь всерьез. Она родила двоих детей, спасавших ее от одиночества зимними вечерами, и отправляла их в Гарвардские научные лагеря на лето, весну и осень.

Она познакомилась с Филиппом на очередной презентации их лаборатории: он рассказывал о выявленной корреляции, благодаря которой можно было корректировать личностные характеристики детей. Это означало не только победу над аутизмом, шизофренией и депрессией. Это значило, что теперь можно было не повторять дважды, не спорить о цвете колготок и не терпеть бесконечные слезы по отнятым игрушкам.

Филипп курировал проект, на участие в котором согласилось всего несколько семей. Для продолжения им были нужны инвесторы, поэтому он подготовил презентацию с видео, на котором дети терпеливо ждали, пока мамы накрасят ногти, наинстаграммятся, попьют кофе, вдыхая утренний туман над озером.

Сначала он показал эти видео Зо. Филипп почему-то очень ярко запомнил, как она сидела на их новом изумрудном диване, укутавшись в плед, – им приходилось эконо-

мать на отоплении – и смотрела на экран широко раскрытыми глазами, инстинктивно обнимая свой живот. «Уже 7-ой месяц!» – подумал с восторгом Филипп, и от волнения его сердце застучало быстрее.

– Какой кошмар, – пробормотала Зо.

Филипп сел рядом, обнял ее и притянул к себе.

– Что?

– Эти дети. Вообще дети из пробирок, из инкубаторов.

– Почему?

– Они все какие-то ненормальные.

Он рассмеялся.

– Зо, что ты такое несешь?

– Не говори мне «несешь».

– Прости.

– У них всех есть какая-то атрофия чувств.

– Зо, какая, нафиг, атрофия чувств?

– Ребенок – часть природы. В нее не надо вмешиваться.

– Это нам с тобой повезло. А как же люди, которые не могут иметь детей?

– Это природа, Филипп. Судьба. Это все равно, что жаловаться на отсутствие кокосов в Мурманске. Я знаю, что не имею права так говорить, но уже слишком много злоупотреблений.

– Ты имеешь в виду наши проекты?

– Их в первую очередь. А еще – все эти однополые браки, одинокие родители.

– А как же твоя работа?

– Инкубаторы?

Подразделение Зо занималось разработкой инкубаторов для недоношенных детей, и она лично наблюдала за их внедрением в госпитали. В первый ее рабочий день, ей дали под контроль кейс: ребенок родился на 30 неделе беременности с весом 490 граммов, с врожденным медленным ритмом сердца, врожденной пневмонией, перенес уже грибковый сепсис – и никак не мог дорасти до своих 2 кг для установки кардиостимулятора.

– Это то же самое, – сказала Зо. – Ты же не думаешь, что из моей Клэр вырастит такой же ребенок, как из нормально-го доношенного малыша?

– Это все ерунда, Зо, демагогия, – покачал головой Филипп, сжав ее чуть крепче и поцеловав в макушку. Он отрицал, но на самом деле чувствовал: было что-то в ее словах.

– Они вырастут и будут жить рядом с нашими детьми, – продолжала Зо, – и наши дети будут любить их, ненавидеть, смеяться с ними, дружить, удивляться – а те не будут иметь обо всем это никакого представления.

На следующий день презентация получилась не убедительной. Филипп все время думал о словах Зо, о том, что он создает армию бесчувственных долгоживущих андроидов, и слова застревали у него в горле.

Мария подошла к нему после презентации.

– Я изучала документацию по Вашему проекту, и там все

выглядит куда привлекательнее, чем Вы рассказали об этом. Вы же американец, искусство презентации должна быть у вас в крови.

– Я не американец, мэм, – сказал Филипп.

– Тогда все ясно, – она тронула его за плечо с женской многозначительностью. – Я бы проспонсировала Ваш проект.

– Очень рад, – смешался Филипп. – Спасибо.

– Не понимаю только, – продолжала она. – Вы не верите, что у вас все получится? Но у вас ведь уже получилось.

– У нас нет никаких долгосрочных исследований, мэм, – ответил Филипп. – Сложно сказать, что мы получим через 20 лет.

– Я готова лично поучаствовать в Вашей выборке, – очаровательно улыбнулась Мария, стряхнув с его плеча пылинку.

У Филиппа на спине выступил холодный пот: его соблазнили, предлагая ему курировать программу ЭКО? 21 век.

– Вы не опасаетесь последствий?

– Каких, дорогой доктор?

– Сломанных к 20 годам жизней.

– Я решаю проблемы по мере их поступления. Не понимаю, почему у Вас так мало энтузиазма, Вы же ученый, черт возьми!

Филипп смущенно улыбнулся.

– Уууу, – протянула Мария. – Тогда все дело в женщине, –

она подмигнула ему. – Ваша жена?

Филипп растерялся еще больше, но в итоге кивнул.

– Ревнует Вас к работе?

– Думает, что я создаю бесчувственных андроидов, – нехотя сказал Филипп: ему не нравилось обсуждать Зо с кем бы то ни было.

Но Марии эта мысль показалась интересной.

– Она, должно быть, очень умная женщина. Она тоже в науке?

– Она врач.

– Я бы хотела с ней познакомиться, – неожиданно заявила Мария. – Приходите ко мне на ужин завтра в семь. Заодно обсудим детали предоставления Вам гранта на долгосрочное исследование от нашей компании.

***

– Филипп, ну куда я пойду? – Зо растерянно развела руки в стороны: с огромным, идеально овальным, животом она была похожа на дирижабль. – Мне нужно какое-то платье.

– Милая, она не звала на светский раут.

– Это Мария-Паула Розеноер. Ты видел ее дом? Погугли. Тебе туда тоже нужен будет галстук и фрак.

Филипп долго спорил.

Когда они подъехали на такси к каменной парадной в колониальном стиле и увидели, как двое человек во фраках выходят на улицу, Филипп сжал ее руку и горячо поцеловал.

Для этого Зо была нужна ему: она читала ему людей вслух.

Он помог ей снять пальто.

– Доктор Зеер! – Мария выпорхнула из гостиной. – Добро пожаловать! Останетесь на ужин? А то все решили разойтись пораньше. Это Ваша жена?

Зо улыбнулась. С тех пор как стала видна ее беременность, она стеснялась своих размеров: ее было слишком много.

– Очень приятно, милая Зоя, – сказала Мария, изящно поправив декольте на платье. – У вас абсолютно очаровательная улыбка. Доктор Зеер не говорил, что вы беременны.

Зо погладила живот.

– Если бы все было не так очевидно, мы бы вообще держали это в тайне, – пошутила она.

Мария рассмеялась.

– Ну что Вы, милая моя, у меня самой двое. Первого я родила сама, второй был искусством.

– Искусством? – не поняла Зо.

– Суррогатная мать, – небрежно пояснила Мария. – Я познакомлю Вас! Сева, Тим!

На лестнице появились двое мальчиков, белокурых и голубоглазых. Зо привычно принялась о чем-то лепетать с ними, они посмотрели на нее холодно и отстраненно и быстро ушли наверх.

– У Вас очень красивые дети, – искренне восхитилась Зо. – Их отец, должно быть, тоже красавец.

Мария хихикнула, блеснув холодом серых глаз.

– Не у всех подобные вещи происходят естественно, милая Зоя. Они от доноров.

– Вам очень хорошо их подобрали, – пробормотала Зо совершенно по-идиотски. – Ведь фотографии, насколько я помню, по-прежнему не показывают?

Мария доверительно взяла ее под руку.

– За Ваши деньги Вам покажут, что угодно.

***

– Доктор Зеер сказал, что Вы против генетической модификации эмбрионов, – начала Мария, разложив гостям по тарелкам торт, – мне стало интересно познакомиться с Вами. В наше время мало кто обладает достаточной стойкостью в этих вопросах.

– Что Вы имеете в виду?

– Да бросьте, всё Вы понимаете. Все эти «Let's make humanity great again». Все хотят идеальных детей: красивых, умных, послушных. Мы – родители будущих гениев. Вы не боитесь, что Ваши дети будут не конкурентоспособны?

– Почему Вы уверены, что Ваши будут непременно гениями?

– Севе шесть и он чемпион по шахматам среди десятилеток. Тим играет на альте, как сам Паганини, только в среду вернулись с его третьего концерта в Карнеги-холле.

Зо пожала плечами.

– Это ничего не говорит о будущем успехе и перспективе. Сколько гениальных детей вырастает и смешивается с толпой.

– Да, но не дети с генетически детерминированными талантами.

– Для того, чтобы разрешить Ваш вопрос, как раз и нужны перспективные исследования, – вставил Филипп.

– Ну, так давайте войдем в выборки, – Мария откинулась на спинку стула. – Обожаю соревнования. Сравним результаты через двадцать лет.

– Для этого нужны критерии.

– Мы сравниваем уровень успеха или счастья? – уточнила Зо.

– И то, и то, конечно.

– Нужны шкалы, – повторил Филипп.

– Обычные, десятибалльные? – предложила Мария.

– Нет, это сделает исследование субъективным. Нужно что-то нерушимо-независимое.

– Ну, тогда давайте накидаем: топ-позиция в компании, уровень зарплаты, недвижимост, дни отдыха к дням работы, мили путешествий в год.

– Для счастья, – перебила ее Зо, чувствуя, как ребенок пинается у нее внутри, – часы смеха в неделю, количество мечт и исполненных мечт в год, число любимых людей.

– Как Вы это будете считать?

– Через двадцать лет мы что-нибудь придумаем.

– Считаете, что одинокие люди не могут быть счастливыми?

– Не могут.

Филипп спешно проглотил кусок торта.

– Я запишу это все, но с поправкой на критерии счастья через двадцать лет.

Мария кивнула, задумчиво глядя на Зо. Она помнила свою беременность очень хорошо. Помнила это ощущение наливания, округления, наполнения и ненавидела его. Ее не так впечатлили сами роды – было кесарево сечение, – сколько само вынашивание, ощущение беспомощности, слабости и такой сумасшедшей женственности, что ее саму от себя тошнило.

Мария забеременела в 38. До этого почти 20 лет была в фармацевтическом бизнесе, как и ее родители, переехавшие в США в 1980-х и постепенно выкупившие часть акций крупной компании. Она руководила слияниями, разруливала конфликты с FDA¹ и вообще чувствовала себя большой бизнесвумен. Ее приглашали на тренинги, она вела Твиттер с вдохновляющими феминистическими цитатами, и вообще верила, что женщинам без мужчин лучше, легче и логичнее. Глядя на своих коллег по бизнесу, ей казалось, что они вечно вносят сумятицу и дают на чувства.

Поэтому когда Мария устала от работы и поняла, что достигла всего, чего она когда-либо хотела, она решила не выйти замуж, а завести ребенка.

Читая много старых книг в детстве, ей всегда казалось, что беременность делает женщину красивее и сильнее. С ней же все случилось наоборот.

Она писала об этом в Твиттере и рассказывала на форумах, куда ее приглашали. Она не призывала ни к чему – просто делилась мыслями и ощущениями с молодежью, которая ничего не знала об этом мире. Это принесло ей очередную волну популярности, и ее книга об одиноком материнстве быстро стала бестселлером.

Мария была одной из первых, кто прибег к генетическому редактированию. Когда она увидела своего ребенка, то поняла, что никогда об этом не пожалеет.

Он был идеальным: большие синие глаза, прямой нос, ротик-бантик, пропорциональное тело, мягкие светлые волосики на голове. Он доставлял ей только радость. Поведение тогда не редактировалось, и было чуть сложнее, чем потом со вторым, но на нем изначально была какая-то разумная печать, не позволявшая ударяться в ребячество.

Ей так понравилось, что она почти сразу решила завести второго, но уже со всеми видами редактирования и суррогатной матерью. Тим был еще совершенней: внешне очень похожий на Севу, он был послушнее, взвешеннее и логичней. Все знакомые и подписчики восхищались ее детьми, и это было самой сытной пищей для ее тщеславия.

***

Обратно Филипп и Зо ехали молча.

– Мне не нравится все это, – сказала она.

– Что тебе не нравится?

– Что это за соревнования?

– Ой, брось, Зо. Будет весело. Никто не собирается вмешиваться в жизни детей, это просто наблюдение.

Зо погладила свой живот.

– Ну? – спросил Филипп. – Кто хорошая жена? Кто помог мужу получить финансирование?

Зо радостно улыбнулась.

– А ничего, что твой проект будет финансировать фармкомпания?

– А что?

– Ну, они же снабжают вас реактивами, это реклама и рынок...

– Это не единственный наш спонсор. Они нужны нам как раз из-за реактивов, как ты говоришь.

– Хорошо, – Зо сжала его руку.

– Слышала, что происходит в России?

– Да, – она отвернулась к окну, – я так хотела поехать туда, когда истечет этот двухлетний срок после получения визы, когда нельзя выезжать из страны.

– А что теперь мешает?

– Ну как, – Зо посмотрела на него, – признание верховенства российского законодательства над международным очень плохо пахнет.

– В смысле? Это очень правильно.

– Что? – опешила Зо.

– Международное право вообще никому нафиг не нужно.

Его все равно никто не соблюдает.

– Что ты такое вообще говоришь? На нем завязаны все экономические, образовательные, экологические связи.

– Ничего на нем не завязано, все и так бы работало.

– Это демагогия. Приведи примеры, когда международное право было нарушено.

Он долго мялся, ворчал.

– Вторжение США в Ирак в 2003. Это нарушение права на суверенитет.

– Филипп, – задохнулась Зо, – это война. Когда нарушается международное право – начинается конфликт или война, это взаимосвязанные вещи.

– Тогда нафиг оно нужно, если его можно нарушить?

– Оно защищает человеческие права...

– Нет никаких человеческих прав, все это ерунда.

– ...На жизнь, свободу, труд, отдых, безопасность.

– Государство может делать все, что хочет.

– Пытать своих граждан?

– Это дело государства.

– То есть, чтобы ты даже не мог никуда пожаловаться?

– Это будет вмешательством во внутренние дела государства.

– Остановите, пожалуйста, машину.

– Тебе плохо? – Филипп дернулся к ней.

– Нет-нет. Просто хочу подышать.

Зо вышла на обочину, сделала глубокий вдох. Ребенок. К чёрту весь мир, прогресс, гены, суверенитеты и Гааги, к чёрту самого Филиппа с его реакционными взглядами.

Она снова села в машину.

– Все в порядке? – Филипп аккуратно приобнял ее.

– Да, все хорошо, – она поцеловала его в щеку. Они помолчали. – По этой логике скоро закроют границы. Это собственно то, что я хотела сказать в самом начале.

***

Работа Филиппа больше никогда не была прежней. Его начали беззастенчиво промоутить: из младшего исследователя он взлетел до начальника лаборатории. У него захватывало дух. Он остро ощущал нехватку опыта, чувствовал, что не заслуживает, и только Зо, как птица Сири́н, пела ему, что он все сможет. И он справлялся: изо всех сил учился работать с клетками, с эмбрионами, обучался векторным технологиям, изучал CRISP-R – системы, позволявшие разрезать ДНК в абсолютно точных координатах. На работе его недолюбливали за тесные связи с начальством, но уважали за тягу к новому и работоспособность. Мария появлялась в лаборатории до 4-х раз в неделю, каждый раз заходила к Филиппу, интересовалась ходом работы, смотрела на чашки Петри с клетками, гладила его по плечу. Филипп каменел в та-

кие моменты. Он не знал, что делать (харассмент? абьюз?), у него все валялось из рук, стерильные пипетки летели на пол, он смущался и цеплялся халатом за дверные ручки. Он не мог обсудить это с Зо, хотя, скорее всего, она бы просто рассмеялась и слила тему, и он бы сам потом смеялся Марии в лицо. Что-то его останавливало: эти поглаживания по плечу, грант и пипетки, а еще беременность Зо. Филипп хотел быть самостоятельным и крепким, выпутаться и остаться и при пипетках, и при достоинстве.

– Ну, всё, дорогой доктор Зеер, – как-то сказала Мария. – Я в деле, – и подмигнула ему.

Филипп сглотнул, поставил склянку на стол.

– Добрый день, миссис Розеноер, – ровно сказал он.

– Что Вы как не живой! – всплеснула она руками. – Скоро принесут Вам мой материал.

– Я польщен, – случайно затроллил ее Филипп. – Буду рад быть полезным.

Она внимательно посмотрела на него.

– Вы же помните о нашем перспективном исследовании?

– Конечно, у нас выборка уже насчитывает более ста пятидесяти человек с каждой стороны.

– Пришлите мне набросок дизайна и прочее, – Мария подошла ближе. – Как милая Зоя?

– Все хорошо, спасибо.

– Она еще работает?

– Да.

– Ох, я помню, как было тяжело уже в самом конце, – вздохнула томно она. – Вам, наверное, тоже непросто с ней.

Филипп отшатнулся от нее.

– Мария, чего Вы от меня хотите? – его голос сел от собственной дерзости, он откашлялся.

– Простите?

– Вы приходите сюда, – Филипп пошел в ва-банк, пути назад уже не было, – говорите со мной о моей жене, о своих детях, гладите меня по плечу – что Вам нужно?

Она смотрела на него пару секунд, не мигая, и в ее серых глазах не было ничего, кроме отражения белых стен. Филиппу стало не по себе.

– Я просто хочу Вас поддержать, – сказала Мария ледяным тоном, и он испугался. – Я много лет общаюсь с людьми науки, я знаю, как им не хватает человеческого тепла и связи с реальностью. Если у Вас возникли какие-то другие мысли, то, извините, но Вам следует делиться своими фантазиями с Вашей женой.

Любая другая женщина развернулась бы и ушла, но Мария осталась стоять рядом, внимательно глядя на него холодным взглядом.

Филипп молчал.

– Хорошо, – сказал он неуверенно. – Прошу прощения.

– Ох, да не переживайте, доктор Зеер! – она вдруг рассмеялась и похлопала его по плечу, – мы же друзья. Друзья должны обсуждать то, что их волнует, разве нет?

– Конечно.

Мария кивнула ему и вышла из кабинета. Она всегда питала слабость к интеллигентным и умным мужчинам, и Филипп был из таких. Мария не считала себя умной и привыкла покорять мужчин другими способами, как правило, эпатажем и псевдонедоступностью. Но это было не все, Мария знала и старалась не признаваться себе в истинной причине своего наваждения. Филипп был похож на отца Севы, математика с биполярным расстройством. Мария была безумно в него влюблена. Его очередная попытка суицида увенчалась успехом незадолго до рождения Севы. Мария потом долго восстанавливалась. Эта история никак не вписывалась в имидж амазонки, поэтому она всем говорила, что воспользовалась услугами донора.

После встречи с Филиппом Марии стало казаться, что она может создать семью с ним. Несмотря на весь эгоизм, она ни на минуту не забывала о Зо и их ребенке. Мария никогда не бросила бы их, помогала бы, чем могла, при одном условии: Филипп должен был принадлежать ей.

***

Последние рабочие дни Зо тянулись вечно. Почему-то возникало много проблем: центры отказывались от сотрудничества в связи с нехваткой средств и персонала, а некоторые намекали на политические разногласия и не хотели сотрудничать ни с какими американскими компаниями.

Зо штрафовали за каждый неподписанный контракт, и она нервничала.

Несмотря на повышения Филиппа, денег больше не становилось. У них едва хватало на оплату ренты и отопления, не говоря о том, что нужно было покупать все для малыша, а отложенных денег хватило бы разве что на колыбель и две бутылочки. Декретный отпуск ей не светил, нужно было уходить с работы либо возвращаться сразу через 4 недели после рождения ребенка.

В этот момент на почту Зо пришло предложение из России. Она вздохнула мечтательно: предложение было выгодным, хорошо сформулированным и рентабельным, но она не могла туда поехать еще в течение полутора лет, а значит, кто-то другой будет курировать проект и получит за него деньги.

Через неделю к ней зашел шеф: поблагодарить за хорошую работу, пожелать всяческих благ.

– Может быть, мне положена какая-то премия? – спросила Зо довольно нагло – так иностранцы обращаются с чужим языком: когда важнее передать смысл вопроса, чем заботиться о его форме.

– Не думаю, – весело ответил начальник. – Но ты очень хорошо работаешь, очень.

Он ушел.

Зо начала собираться домой. Еще один день, приблизивший ее к длинному неоплачиваемому отпуску.

Она пыталась поместить папку с бумагами в сумку, когда

почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Зо подняла голову и вскрикнула.

Ив улыбнулся.

– Что ты тут делаешь?

– Я говорил, что дотянусь до тебя. Ты же не думаешь, что такие предложения по сотрудничеству делают незнакомцы?

– Это был ты? – удивилась Зо. – Ты там работаешь?

– Я помощник начальника юридического отдела в Москве. В основном езжу в командировки и заключаю договоры, – он подошел к ее столу. – Ты очень красивая. Тебе идет.

Зо инстинктивно обняла живот: она всегда чувствовала от Ива опасность, и всегда была в напряжении.

– Спасибо, – она улыбнулась по-глупому счастливо: чувства к ребенку захлестнули ее и перевесили настороженность. – Это девочка. Мы назовем ее Нино.

– Нино, – повторил он, – немного странное имя для тебя.

– Почему?

– Я ожидал от тебя Камиллу или Амаль, что-нибудь такое.

– Мне нравится Нино, – агрессивно перебила его Зо, хотя имя действительно было компромиссом с Филиппом. Она же хотела Камиллу.

– Ладно, ладно, – Ив поднял руки, глядя на нее со снисходительным умилением, – я рад, что у тебя все хорошо.

– Зачем ты пришел?

– Посмотреть, как у тебя дела, – сказал Ив.

Он бы никогда не признался ей, насколько ему было важно знать, что она выбрала Филиппа ради лучшей жизни и что чувства здесь были вторичны. С таким раскладом он мог бы смириться.

– У меня все хорошо.

– Я рад. Правда. Хотя мне жаль, что между нами сохраняется это напряжение, почему?

– Нет никакого напряжения, – сказала Зо.

– Тогда мы можем выпить кофе?

– За мной сейчас приедет Филипп.

– Так, может быть, ты нас, наконец, познакомишь? – в его светлых глазах заплясали насмешливые искорки.

Зо, наконец, уместила папку в сумку, выдохнула и присела на стул.

– Что такое? Тебе плохо? – Ив в один прыжок обогнул стол и присел перед ней, взял ее за руку.

– Нет, нет, все в порядке, – Зо схватилась за живот. – Дай мне мой телефон...

– Я отвезу тебя в больницу.

– Нужно позвонить Филиппу...

– Позвонишь из машины, пойдем, пойдем потихоньку.

Внизу в дверях они столкнулись с Филиппом.

– Что случилось? – Он оттолкнул Ива, подхватил Зо под руки, – Что с тобой? Что-то с ребенком?

– Все хорошо, все в порядке, – шептала Зо, голос внезапно сел, – надо в больницу.

– Зачем в больницу? У тебя что-то болит?

Она закивала.

– Живот.

– Поехали, поехали.

Он аккуратно усадил ее в такси, и они уехали в роддом.

Ив остался стоять на обочине. Он нащупал рукой скамейку и медленно опустился на нее, выдохнул.

***

– Зо, это девочка. Красавица, она ужасно похожа на тебя.

Три восемьсот, 56 сантиметров, – Филипп сжимал ее руку, в глазах у него стояли слезы. – Зо, я тебя безумно люблю. Я умру за вас, слышишь?

– Где она? – Зо приподнялась, – Я хочу ее увидеть...

– Сейчас покажем! – чужой голос издали взволновал ее: что-то не так? Она начала метаться по кушетке, но через секунду ей на живот положили сверток: огромные черные глаза, такие, что не было видно даже зрачка и абсолютно осознанный взгляд, – Какая красивая девочка!

Зо прижала сверток к груди, поправила уголок пеленки, чтобы получше рассмотреть: перед глазами все плыло.

– Привет, моя маленькая.

– Она не похожа на Нино, – шепотом сказал Филипп.

– Она Эстер, – улыбнулась ребенку Зо. – Да?

Глава 2

Арнольд проснулся рано утром. День был хороший. Он включил радио, посвистывая, побрился, оделся, сварил себе кофе в красной фарфоровой турке. Посыпал его сверху корицей, мускатным орехом, достал из холодильника свои «overnight oats» и включил телевизор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.